

ББК 63.3 (5Каз)

П 26

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сузиков

Составители: *И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев,*

Транскрипция скорописи начала XIX в.
И. В. Ерофеевой, Б. Т. Жанаева, И. М. Самигулина,
вступительная статья *И. В. Ерофеевой,*
комментарии и указатели к тексту *Б. Т. Жанаева*

Научный редактор *И. В. Ерофеева*

П 0503020905
00(05)-07

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 9965-798-43-5

© И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев,
сост., 2007
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2007

**Рукописное наследие
поручика Я. П. Гавердовского по истории,
географии и этнографии Казахской степи**

На рубеже XVIII–XIX вв. царское правительство начало активно использовать территорию Казахстана как транзитную зону в налаживании более или менее регулярных торговых отношений с сопредельными странами центральноазиатского региона. Именно поэтому оно направило через Казахскую степь в ханства Средней Азии целый ряд специальных посольств. Основная задача этих дипломатических миссий сводилась к изучению конъюнктуры рынка в среднеазиатских ханствах (Ташкентском владении, Бухаре, Коканде и Хиве) и урегулированию вопросов, связанных с обеспечением благоприятных условий торговли для русских и среднеазиатских купцов, но косвенным образом они содействовали дальнейшему накоплению разнообразных географических и историко-этнографических знаний о Казахстане и казахском народе.

Материалы, доставленные сотрудниками российских посольств в Среднюю Азию, представляют значительный интерес для современной науки, так как являются свидетельствами непосредственных очевидцев исторических событий той эпохи и содержат в себе богатую и оригинальную информацию об образе жизни, хозяйственных занятиях, быте, культуре, обычаях и традициях казахского народа. Путевые дневники и записки большинства официальных посланников в страны Средней Азии конца XVIII – начала XIX в. таких, как А. Бланкеннагель (1793 г.), А. С. Безносиков и Т. С. Бурнашев (1794 г.), Д. Телятников (1796 г.), М. С. Поспелов и Т. С. Бурнашев (1800 г.), Ф. М. Назаров (1813 г.), Н. Н. Муравьев (1821–1822 гг.) и некоторые другие, частично были опубликованы еще при жизни этих людей, либо в более поздний период, и в течение двух последних веков неоднократно использовались в трудах многих поколений исследователей истории и этнографии дореволюционного Казахстана. В отличие от них имя руководителя русского посольства 1803 г. в Бухару Я. П. Гавердовского, оставившего обширное рукописное наследие по географии, истории и культуре казахского народа, до сих пор было известно лишь узкому кругу историков-профессионалов, а его крупный монографический труд о Казахстане и казахах никогда прежде не издавался ни в дореволюционной России, ни в бывшем Советском Союзе. И только теперь в результате практической реализации в Республике Казахстан Государственной программы «Культурное наследие» и выхода в свет настоящего издания, эта монография и другие историко-этнографические материалы посольства Я. П. Гавердовского впервые станут достоянием широкой научной общественности нашей страны и других постсоветских стран Центральной Азии.

Непосредственным поводом к отправлению в начале XIX в. специальной торгово-дипломатической миссии в Бухару послужило донесение ответственного чиновника Троицкой таможни министру коммерции графу Н. П. Румянцеву от 2 сентября 1802 г. о тайном выезде из Троицка «за границу» изготовителя фальшивых ассигнаций некоего уфимского тептяря Валита Хамитова, которого казанский торговец Ибрай Смаилов встретил в Бухаре и узнал в облике оборотистого продавца своей «продукции» на городском рынке. В докладе Н. П. Румянцева царю и министру иностранных дел сообщалось, что И. Смаилов через главу «таможней торговли» потребовал выдачи преступника, но правитель Бухарского ханства эмир Хайдар (1801–1826) отказал ему в этом. В связи с тем, что царское правительство тогда остро нуждалось в получении разнообразных достоверных сведений о торгово-экономическом потенциале и политическом положении Бухарского ханства, «дело» о тептяре Валите Хамитове сыграло роль своевременного толчка к отправлению ответственной дипломатической экспедиции в Бухару¹. 12 декабря 1802 г. император Александр I своей официальной резолюцией на докладе министра коммерции санкционировал создание комиссии для подготовки посольства в это среднеазиатское ханство. Надзор за его подготовкой и практическим осуществлением в регионе возлагался наряду с Н. П. Румянцевым на министра внутренних дел графа В. П. Кочубея, генерал-квартирмейстера П. К. фон Сухтелена и оренбургского военного губернатора Н. А. Бахметьева. Руководителем дипломатической миссии был назначен тридцатилетний поручик по квартирмейстерской части Свиты е. и. в. Яков Петрович Гавердовский².

Документальных свидетельств о жизни и служебной деятельности Я. П. Гавердовского сохранилось немного. По отдельным генеалогическим данным, он принадлежал к одной из фамильных ветвей дворянского рода Гавердовских, восходившего своими корнями ко второй половине XVI века. Подавляющее большинство отпрысков этого рода в XIX в. проживали в средней полосе европейской России и имели свои поместья в основном на территории Рязанской губернии. Яков Петрович Гавердовский родился приблизительно в 1770/73 г. и в возрасте около 40 лет геройски погиб во время Отечественной войны России с Наполеоновской Францией на Бородинском поле 26 августа 1812 года.

Согласно лаконичным сведениям «дела по прошению» дочери погибшего офицера Генерального штаба Доротеи Гавердовской о праве

¹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974. С. 61–63.

² Там же. С. 63, 65.

пользования пожалованным ей пенсионом после своего замужества от 30.09.1830 — 20.02.1831 г., Я. П. Гавердовский еще задолго до его отправления во главе посольства в Бухару был достаточно хорошо знаком с образом жизни и культурой казахского кочевого населения Оренбургского края, так как с конца 1789 по 1800 г. постоянно служил в Оренбурге и на Оренбургской пограничной линии. Государственную службу империи он начал с гражданской должности канцеляриста в Оренбургском пограничном суде, затем перешел на военную службу в армейских частях той же Оренбургской губернии, где за пять с половиной лет поднялся по карьерной лестнице от подпрапорщика, а немного позднее — сержанта Оренбургского полевого батальона (30.05—06.07.1793 — подпрапорщик, с 07.07.1793 до 18.04.1798 — сержант) до поручика Рыльского пехотного полка (19.04.—29.04.1798 — портупей-прапорщик, 12.02.1799—12.12.1800 — подпоручик, с 13.12.1800 — поручик). В конце 1800 г. он был уволен с регулярной военной службы поручиком и полгода спустя 23.08.1801 г. определен на службу подпоручиком в Петербург в состав Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части. Ко времени отправления миссии в Бухару Я. П. Гавердовский продолжал служить в Генеральном штабе и уже имел там звание поручика¹.

При определении круга основных задач миссии министр коммерции Н. П. Румянцев исходил не столько из необходимости обезвредить беглого фальшивомонетчика, сколько из государственной потребности в отправлении в Бухарское ханство компетентного и наблюдательного российского резидента «для лучшего разведания о торговле тамошнего края во всех ее отношениях»². В этой связи официальная инструкция царского правительства, утвержденная Александром I 14 ноября 1802 г., нацеливала Я. П. Гавердовского на выяснение проблем развития двухсторонних торговых отношений с Бухарой и различных факторов, препятствующих процессам нормализации транзитной торговли между двумя странами как по пути следования российских и бухарских караванов через Казахскую степь, так и на территории самого ханства. Для выполнения этой главной цели поручику рекомендовалось наряду с обстоятельным «разведанием» состояния экономики и общественного устройства Бухарского ханства собирать «основательные» сведения о казахских жузах: «которые роды их кочуют в тех местах, где... проезжать должно будет; кто старшины и солтаны управляют ими и преданы ли они Российской державе»; имеются ли месторождения полезных ископаемых в Мугуджарских горах у верховьев рек Ори и Эмбы, «где по многим удостоверениям, скрыты богатые руды»;

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. 3 отд. Д. 667.

² Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 62.

«не соединяются ли три истока реки Усь-Усюка с Аральским морем» и т. п. информации¹. «Словом, — резюмировалось в заключительной части 10-го пункта документа, — «достойно примечания» «всякое такое положение, которое открывает средства к распространению торговли»².

Внимательное изучение правительственной инструкции главе будущей дипломатической миссии в Бухару однозначно убеждает в том, что ей придавалось важное государственное значение в среднеазиатской политике Российской империи. Другим убедительным подтверждением этого можно считать такой примечательный исторический факт, как обращение царского правительства к действительным членам Петербургской Академии наук с предложением снабдить Я. П. Гавердовского своими особыми наставлениями и советами, что последними и было своевременно исполнено. По распоряжению адъютанта Л. Ю. Крафта Академия наук обеспечила поручика несколькими инструкциями, которые подготовили академики Т. Ф. Смеловский, А. Ф. Севастьянов и В. М. Севергин. Они ориентировали Я. П. Гавердовского в основном на сбор сведений естественнонаучного характера о Казахской степи и Бухаре. В частности, Т. Ф. Смеловский рекомендовал ему собирать информацию о посеве и сборе хлебов и употреблении лекарственных растений. А. Ф. Севастьянов акцентировал внимание поручика на целесообразности выяснения причин изменения течения Амударьи и Сырдарьи и наличия связи между Каспийским и Аральским морями, а также считал необходимым исследовать состояние скотоводства, землепользования и торговли в долине Амударьи. Академик В. М. Севергин составил специальную инструкцию по минералогии, где рекомендовал выяснить «направления углублений и возвышений», наличие и характер соляных озер, полезных минеральных источников, местонахождение залежей редких металлов и драгоценных камней³.

Получив все вышеуказанные предписания и рекомендации, Я. П. Гавердовский осенью 1802 г. начал старательно готовиться к ответственной поездке в Бухару. В это время и в первой половине 1803 г., когда новоиспеченный дипломат уже находился в Оренбурге, он основательно штудировал материалы путешествий по северным и восточным регионам Казахской степи П. С. Палласа, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова и некоторых других исследователей Казахстана второй половины XVIII века. В личном фонде поручика, основательно обследованном в свое время известным советским

¹ Внешняя политика России XIX — начала XX в. Сб. документов. М., 1960. С. 332–337.

² Там же. С. 333.

³ ОПИ ГИМ РФ. Ф. 260. Д. 1. Л. 1–8; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 63–64.

востоковедом Н. А. Халфиным, хранятся «Объяснение бывшего в Бухарии в 1794 и 1795 годах Колывано-Воскресенских заводов унтершихмейстера Тимофея Бурнашева», информация обербергмейстера Чулкова от 20.08.1795 о Ташкенте, которая была, по-видимому, неизвестна первым издателям материалов дипломатической миссии Г. И. Спасскому и Я. В. Ханькову. В делах Я. П. Гавердовского имеется также рукопись труда П. Е. Величко «Описание Хивы и ее окрестностей», датированная временем подготовки его посольства в Бухару, и некоторые другие записки и труды историко-этнографического характера¹. Отсюда можно заключить, что руководитель новой дипломатической миссии в Бухарское ханство в полной мере осознавал свою личную ответственность за порученное ему важное государственное дело и старался как можно более тщательно подготовиться к дальнейшей поездке в малоисследованные страны континента. К началу 1803 г. основная подготовка к путешествию была завершена, и 15 января Я. П. Гавердовский отправился из Петербурга в Оренбург².

В Оренбург поручик прибыл 23 февраля 1803 г. и задержался в этом городе ровно на пять месяцев, занимаясь там укомплектованием штата посольства и его материальным обеспечением. В состав миссии Я. П. Гавердовский зачислил с разрешения Н. П. Румянцева на должность переводчика пакагузного инспектора Оренбургской таможни Мирсалима Бекчурина, хорошо знакомого с бытом и культурными традициями многих азиатских народов; а также переводчика Оренбургской пограничной комиссии Кукляша Биктяшева, доктора Савву Большого, ахуна Фазиля Исмаилова, писца Андрюкова и для поимки тептяря Валита Хамитова — казанского купца Ибрагима Смаилова. Помимо всех названных лиц в числе подчиненных Я. П. Гавердовского из Петербурга в Бухару отправились колонновожатые Григорий Иванов и Иван Богданович, которые позже совместно с ним составили подробный журнал пройденного пути. Всех членов посольства, включая слуг, тептярей и казаков, насчитывалось к моменту его отправления из Оренбурга около 50 человек. Перед выездом в Степь посольский отряд соединился с караваном русских купцов, которые везли в Бухару на 55 верблюдах товаров на сумму 260 тыс. руб.³

К середине лета караван был в целом собран, и 23 июля посольство Я. П. Гавердовского отправилось в долгий путь. В течение почти 1,5 месяцев оно достаточно благополучно продвигалось по западному региону Казахской степи, но 6 сентября того же года, оказавшись в урочище Ходжаберган на территории безводной степи Музбиль, подверглось вне-

¹ Там же. С. 63.

² См. ч. 1. «Обозрения Киргиз-кайсацкой степи» в этом издании.

³ Там же; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 70–72.

запному нападению группы казахов племени шекты, поколения алимулы Младшего жуза во главе с их ханом Абулгазы Каиповым (ум. в 1815) и биями Жаназаром, Жанузаком и некоторыми другими степными лидерами. Караван был почти полностью разграблен, доктор Савва Большой захвачен казахами в плен и пробыл у них на положении пленника около года. Поручику Я. П. Гавердовскому удалось избежать неволи и спасти отдельные дипломатические документы вместе с высочайшей грамотой, а некоторым купцам — только наиболее ценные легкие товары и деньги. 30 сентября 1803 г. Я. П. Гавердовский с основной частью своих людей был вынужден бесславно завершить экспедицию и возвратиться в Оренбург. Иными словами, российская дипломатическая миссия 1803 г. в Бухарское ханство потерпела на территории казахских кочевий полный провал, а пресловутое в официальных документах тех лет урочище Ходжаберган стало местом краха надежд царского правительства на установление относительно регулярных торговых отношений с Бухарой и возможность дальнейшего беспрепятственного развития транзитной караванной торговли в регионе¹.

После неудачного завершения миссии и скорого возвращения в Петербург поручик Я. П. Гавердовский глубоко переживал нанесенный его честолюбию сильный удар и старался посредством своих многочисленных рапортов, замечаний и записок центральному правительству хоть как-нибудь реабилитировать себя в глазах высших властей. К числу составленных им в первые месяцы после возвращения в столицу аналитических документов, следует отнести следующие записки: «Система к преобразованию и устройению киргизского народа, для возвращения разграбленного капитала, успокоения караванных ходов и приведения в порядок киргизские роды и всей Оренбургской линии» от 02.11.1803; «О средствах для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа и к благосостоянию торговли при нынешних обстоятельствах» от 10.01.1804, а также заметки «О мероприятиях для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа», написанные приблизительно в то же время и некоторые другие². В них Я. П. Гавердовский, констатируя факт политической нестабильности на караванных путях и многочисленные случаи грабежей казахами торговых караванов, предлагал царскому правительству непременно разбираться с этим и наказывать военно-полицейскими мерами только правящую верхушку казахских родов, участвующих в грабительских набегах на проезжающих по их кочевьям русских и среднеазиатских купцов, но

¹ Там же; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 72–73.

² ОПИ ГИМ РФ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2. Л. 78–99; Д. 3. Л. 51–60; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 73–75.

не рядовых кочевников-скотоводов. «Не должно строгость ставить вместе с жестокостью и разорением, — писал поручик, — ибо спокойствие и богатство киргизцев для России довольно нужно. Они, будучи ее пастиухами, прокармливают жителей до Арзамаса и частью до Владимира, обогащают купцов чрез многие свои произведения, принимают участие от провожания караванов в торге бухарском. Обосновывая же наказание на правосудии, сделать можно из их добрых жителей и полезных для России»¹. Предлагая своим высокопоставленным адресатам различные способы обуздания «своеволия» казахов и наказания виновников за совершенные грабежи, Я. П. Гавердовский настойчиво стремился избежать ненужного насилия и причинения материального ущерба основной массе казахского населения, что не может не вызывать определенного уважения и симпатии к нему.

Судя по отсутствию официальной реакции Петербурга на все эти рапорты и записки, провальные практические результаты дипломатической миссии в самое крупное среднеазиатское ханство посеяли в умах царских чиновников глубокий пессимизм, и Министерство коммерции на время потеряло какой-либо интерес как к проблеме оживления торгово-экономических связей с Бухарой, так и к политической ситуации на транзитных караванных маршрутах.

Выразительное молчание центрального правительства однако же не парализовало волю и творческую активность Я. П. Гавердовского, но с учетом отмеченного обстоятельства добросовестный офицер почти полностью перенес в середине 1804 г. свою интеллектуальную энергию на обработку и осмысление собранных им в Казахской степи богатых полевых материалов. В течение 1804 г. Я. П. Гавердовским и его помощниками был подготовлен подробный «Журнал, веденный Свиты е. и. в. поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по высочайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями с описанием всех случившихся происшествий, равно как и о возвращении в Россию в 1803 г., с кратким уведомлением об отправлении посольства в азиатское владение». Тогда же Я. П. Гавердовский начал активно работать над подготовкой специальной монографии по географии, истории и этнографии Казахстана, которую назвал «Обозрение Киргиз-кайсакской степи». В письме от 11 декабря 1806 г., адресованному некоему Логину Юрьевичу, Я. П. Гавердовский, говоря о полученных им еще до отправления с посольством в Бухару «некоторых наставлений» от членов Петербургской Академии наук, сообщал своему адресату о том, что во время

¹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 76.

путешествия по Казахской степи он «кроме особых поручений старался исполнить и те предметы, которые во оных начертаны были». «При возвращении в 1804-м году, — далее писал поручик, — успел я с другими в сотовариществе со мною бывшими чиновниками из сделанных нами примечаний сохранить некоторые отрывки. Давно желал все сие привести в известность, но разные занятия по должности, отлучки и другие обстоятельства сему мешали. Теперь окончив 1-ю часть, почитаю себя обязанным препроводить ее Вам, милостивый государь, и покорнейше притом просить, не угодно ли Вам будет доставить оную тем почтеннейшим членам Академии, которые снабжали меня своими наставлениями»¹. Это письмо Я. П. Гавердовский сопроводил посылкой Логину Юрьичу «рукописи своей книги» и «в особой папке 14 рисунков»².

В данном случае речь шла об объемной первой части монографии «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи», которую автор сначала назвал «Путешествие в Степи киргиз-кайсацкой», а позднее переименовал в «Дневные записки в Степи киргиз-кайсацкой в 1803-м и 1804-м гг. ». Работа была написана в популярном в то время жанре путевых записок, но в отличие от его наиболее типичных образцов, здесь, ежедневные личные наблюдения и впечатления автора о различных достопримечательностях посещенных мест и выдающихся явлениях общественной жизни казахов-кочевников были существенно дополнены в соответствующих абзацах текста, подробным изложением результатов его собственных исследований этих проблем и оригинальными историческими экскурсами в далекое и относительно недавнее прошлое казахского народа.

В начале декабря 1806 г. рукопись «Дневных записок» поступила в Канцелярию Петербургской Академии наук, и адъютант Л. Ю. Крафт сразу же передал ее для рецензирования академику В. М. Севергину. В «Протоколе» заседания Конференции от 7 января 1807 г. по этому поводу сообщается, что академик, ознакомившись с трудом Я. П. Гавердовского, признал его «интересным и достойным быть напечатанным при условии изъятия некоторых лишних деталей и исправлении слога»³. В самом отзыве В. М. Севергина относительно содержания прочитанной рукописи говорилось буквально следующее: «...В оной находится много полезных и отчасти новых наблюдений и примечаний, и что она потому напечатана быть может; токмо бы г-да сочинители благоволили выпустить некоторые подробности и сделать местами нужные поправки в слоге. Вообще же за успешное выполнение предписаний Академии [автор] заслуживает одобрения»⁴.

¹ ОПИ ГИМ РФ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 3. Л. 82.

² Там же. Л. 83.

³ Архив ПФ РАН. Ф. 1. Оп. 1^а. Д. 135; Д. 18. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 2. 1807 г. Д. 1. § 6.

В течение последующих 2,5 лет Я. П. Гавердовский тщательно работал над второй частью своего монографического исследования, получившего название «Описание страны и народа киргиз-кайсацкого». Структура этой части «Обозрения киргиз-кайсацкой степи» заметно отличается от первой части монографии, так как в ее основу был положен уже не устаревший к тому времени хронографический способ подачи разнообразной информации, а близкий к современному предметно-тематический принцип распределения фактического материала. В соответствии с ним в исследовании были четко выделены разделы по географии, истории и этнографии Казахской степи, которые в свою очередь подразделялись на отдельные главы, посвященные конкретным проблемам, а последние — на еще более мелкие структурно-тематические единицы. В первой половине 1809 г. работа над рукописью книги была в целом завершена, и автор представил ее в Академию наук на отзыв вышеупомянутым ученым. Академик А. Ф. Севастьянов, прочитав вторую часть «Обозрения», 2 июня 1809 г. написал на нее краткий положительный отзыв, в котором вполне справедливо указал, что работа Я. П. Гавердовского «содержит много хороших, новых, интересных мыслей», но при этом согласился с мнением своего коллеги В. М. Севергина о необходимости «исправления стиля» произведения, так как в нем встречается «немало погрешностей против свойства русского языка»¹.

В последующие два-три года автор «Обозрения», всецело занятый делами по службе, практически не занимался редактированием своей рукописи, о чем убедительно свидетельствует отсутствие каких-либо серьезных стилистических разночтений в ее двух разных списках, ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве и Архиве Института истории (г. Санкт-Петербург) Российской Академии наук. В 1809—1811 гг. фундаментальный труд широко эрудированного офицера о Казахстане и казахском народе кроме самого автора почти или даже совсем никого в Петербурге не интересовал, и он лежал на его письменном столе по существу без движения. Затем наступил роковой для России 1812 год. Я. П. Гавердовский, уже получивший к тому времени (12.05.1812) звание полковника, оказался как и многие другие русские офицеры Генерального штаба в составе действующей армии и 26 августа 1812 г. был убит в Бородинском сражении противником².

Несмотря на то, что его монография не была опубликована, благодаря изданию Г. И. Спасским небольших отрывков из нее в журнале «Сибирский вестник» она стала известна в 20-х гг. XIX в. (ч. 3. Спб., 1823.,

¹ Там же. Оп. 2. 1809 г. Д. 19. § 244; Оп. 1^а. Д. 20. Л. 65 об.

² РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. 3 отд. Д. 667.

с. 43–60) крупному российскому исследователю истории и этнографии казахов А. И. Левшину (1797–1879), который основательно использовал оригинальные материалы Я. П. Гавердовского во многих разделах своего трехтомного труда «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (ч. 1–3. Спб., 1823.), но согласно еще неизжитой тогда архаичной традиции в российской историографии — без конкретных ссылок на авторство своего полузабытого предшественника. В XX в. работой Гавердовского неоднократно пользовались при написании различных трудов по истории Казахстана такие видные советские историки, как М. П. Вяткин, Н. Г. Аполлова, Е. Бекмаханов, С. В. Тольбеков, Н. Э. Масанов и некоторые другие ученые. Кроме того отдельные наиболее яркие фрагменты ее текста в разное время часто цитировались в научных и историко-публицистических работах казахстанских авторов.

Данный том представляет собой первое полное издание всех материалов дипломатической миссии Я. П. Гавердовского в Бухарское ханство. В нем впервые публикуется фундаментальный историко-этнографический труд главы этого посольства «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи» и вторично переиздаются «Дополнения» к «Журналу» Я. П. Гавердовского, Г. Иванова и И. Богдановича доктора седьмого класса Саввы Большого (1769–1827), которые были напечатаны еще при жизни этого автора в петербургском журнале «Сын отечества» в 1822 г. (ч. 76, 77, 80). Издаваемые труды выявлены в российских архивах и археографически обработаны историками И. В. Ерофеевой, Б. Т. Жанаевым, И. Самигулиным и Ш. А. Аманжоловой. Предисловие к изданию написано И. В. Ерофеевой, научные комментарии текстам историко-этнографических разделов работ Я. П. Гавердовского и его сотрудников составлены Б. Т. Жанаевым, комментарии к географической части издания — д. г. н. А. П. Горбуновым. Компьютерный набор текстов осуществили Б. Т. Жанаев и И. Самигулин, иллюстрации подобраны И. В. Ерофеевой и Б. Т. Жанаевым. Составители выражают глубокую благодарность директору Российского государственного военно-исторического архива И. О. Гаркуше и заведующей читальным залом Т. Ю. Бурмистровой за содействие в получении и копировании публикуемых архивных материалов.

И. В. Ерофеева